

ЭЛИТОЛОГИЯ

ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ ГЛАЗАМИ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ НАЧАЛА XX в.

Шебзухова Татьяна Александровна, доктор исторических наук, профессор,
директор
Институт сервиса, туризма и дизайна (филиала) СКФУ в г. Пятигорске
Российская Федерация, 357500, г. Пятигорск, пр. 40 лет Октября, 56
E-mail: priem@pfil.ncstu.ru

Крушение Российской империи во многом было predetermined внутренними кризисными фактами, отягощёнными ещё и возникшими внешними проблемами. В числе внутренних факторов чаще всего называют революционную ситуацию, когда низы не желают жить по-старому, а верхи уже не могут управлять как прежде. Именно о том, почему верхи не могут «хозяйничать и управлять, как прежде», свидетельствует процесс раскола элит. Политическая полемика предреволюционных лет шла вокруг вопроса качества российской власти и исторической миссии отечественной интеллигенции. Сама интеллектуальная элита оказалась расколотой на несколько непримиримых идейно-политических лагеря. В результате этого и сама оценка качества власти тоже имеет весьма широкий спектр мнений, что заметно усложняет работу современных исследований относительно выявления общих и частных мнений. Именно невозможность прийти к внутреннему согласию и погубило авторитарно-либеральные элитные сообщества имперской России, открыв путь к власти авторитарно-тоталитарным революционным элитам.

Ключевые слова: власть, интеллектуальная элита, аристократия, история, Российская империя, царизм, мемуары, критика, апология, революция, легитимность

ROYAL POWER THROUGH THE EYES OF RUSSIAN INTELLECTUAL ELITE BEGINNING XX CENTURY

Shebzukhova Tatyana A., D.Sc. (History), Professor, Director
Institute for Service, Tourism and Design (branch SCFU) in Pyatigorsk
56, 40 years of October Ave., Pyatigorsk, 357500, Russian Federation
E-mail: priem@pfil.ncstu.ru

The collapse of the Russian Empire is largely predetermined by internal crisis facts, burdened by the emerging external problems. Among the internal factors most often called the revolutionary situation, when the lower classes do not want to live the old way, and the tops cannot manage as before. It is precisely because the tops cannot "manage and manage as before" that the process of the split of the elites is witnessing. The political polemics of the pre-revolutionary years were about the quality of Russian power and the historical mission of the Russian intelligentsia. The intellectual elite itself was split into several irreconcilable ideological and political camps. As a result, the very assessment of the quality of power also has a very wide range of opinions, which significantly complicates the work of modern research on the freedom of general and private opinions. It was the inability to come to inner agreement and ruined the authoritarian and liberal elite communities of imperial Russia, opening the way to power to authoritarian-totalitarian revolutionary elites.

Keywords: power, intellectual elite, aristocracy, history, Russian Empire, tsarism, memoirs, criticism, apology, revolution, legitimacy

Последние десятилетия существования российского царизма ознаменовались тем, что современная наука именуется расколом и предательством элит. Эти негативные процессы имели глубокие мировоззренческие основания. Развитие традиционных аристократических элит подошло к этому времени к своему логическому историческому завершению. Первая мировая война положила конец историческому господству родовой аристократии в Европе, и Российская империя подошла к этому

событию с расколотой элитой, готовой пойти на предательство своего самодержавия и своих национальных интересов [5]. Исходя из отмеченного выше, в качестве *объекта* настоящего исследования будет выступать российская интеллектуальная элита, а в качестве *предмета* – её оценка существующей царской власти. *Цель* настоящей работы – дать анализ представлений интеллектуальной элиты Российской империи об образе верховной власти в момент заката самодержавия. Методологической основой работы является принципы историзма и компаративизма, а также существующие на данный момент работы по исторической элитологии [см.: 1].

Известно, что интеллектуальная элита играет важнейшую роль в исторических процессах, формируя общественное мнение и формулируя для власти её повестку дня. Попутно отметим, что в понятие «интеллектуальная элита» мы включаем не только учёных и деятелей культуры (писатели, художники, актеры) [14], но и представителей высшего света, которые в силу различных обстоятельств не входили в состав правящего класса, но активно себя позиционировали в качестве контрэлиты. Они тоже весьма охотно рассуждали о власти и судьбах России, но в отличие от учёных и деятелей творческих профессий, наблюдали и анализировали власть в непосредственной близости. Они имели непосредственный доступ к власти, чем ценнее и незаменимее являются их свидетельства. Такую часть интеллектуальной элиты мы условно можем назвать «неформальной».

Благодаря им мы имеем возможность оценивать царизм из самого его ближайшего окружения, поскольку многие придворные вели дневники, оставили свои воспоминания и переписку. При этом это не всегда простая фиксация хода событий. Некоторые произведения этого жанра содержат весьма глубокий аналитический материал своей эпохи. Примером здесь могут служить «Дневник» Анны Тютчевой (1829–1889) – старшей и любимой дочери поэта Фёдора Тютчева, которая на протяжении тринадцати лет была при дворе (1853–1866) и могла непосредственно наблюдать за царской фамилией изнутри [26]. По оценке историков, эта придворная дама превосходила умом и образованием многих людей своего окружения и имела собственный взгляд на важнейшие события той эпохи и не боялась о нём заявлять. Поделится с историей своими личными воспоминаниями и один из немногих уцелевших в кровавой революционной бойне Романовых – великий князь Александр Михайлович (1866–1933), дядя последнего русского императора Николая II [7]. Не всегда эти откровения носят объективный характер. Но учитывая изначальную субъективность этих оценок, мы можем расставить научные акценты между апологией и критикой конкретного исторического периода.

В этой связи весьма примечательно то, какие характеристики давали представители неформальной интеллектуальной элиты первым лицам государства, включая всесильных фаворитов и министров. Например, граф С.Ю. Витте восторженно отзывался об одних и ядовито критиковал других субъектов царской власти, деля их на «своих» и «чужих», «друзей» и «врагов». Так, в числе «своих» у него оказался граф Лорис-Меликов, а среди «чужих» П.А. Столыпин. «Так как гр. Лорис-Меликов в то время был и министром внутренних дел и начальником верховной канцелярии и, как его тогда прозвал Катков, “диктатором Государева сердца”, то он, конечно, играл громадную роль во всех государственных делах, а потому от него во многом зависело: будет ли принят устав жел. дор. в том виде, как я его проектировал, или же он будет изменён, а может быть, совет по железнодорожным делам и совсем не будет принят Государственным Советом» [8, т. 1]. Граф С.Ю. Витте уже не скрывал своего презрительного отношения к последнему российскому самодержцу, считая его серой, жалкой, никчёмной личностью [см.: 12–13]. И царь платил ему тем же. Когда в 1915 г. Витте умрет, Николаю II трудно будет сдержать вздох облегчения.

Если принять во внимание, что об элите пишут те, кто сам входил в её состав, то получается весьма интересная комбинация: апология и критика исходит из од-

ного и того же круга, что свидетельствует о копившихся годами внутриэлитных противоречиях.

Практически все мемуаристы начала XX в. отмечали крайне изломанный характер последнего российского самодержца и его непоследовательные действия. Пытаясь объяснить эти слабости царского характера, которые привели Россию к кровавым событиям 1917 г., некоторые возлагали вину на не совсем удачное образование царя. Известно, что с 1877 г. по решению императора Александра II главным воспитателем к Николаю был назначен генерал от инфантерии (1892) Григорий Григорьевич Данилович (1825–1906). На протяжении последующих четырнадцати лет он пытался воспитать в нём будущего российского самодержца. Уже после свержения царизма, многие анализируя особенности и странности характера Николая II, обвиняли именно генерала Г.Г. Даниловича, педагогические методы которого «изломали» характер царя, сделав его скрытным и замкнутым. Под критику попал и Александр III, в вину которому вменялось то, что он не сумел передать своим детям харизму власти: «Их слишком настойчиво учили быть “прежде всего людьми” и слишком мало подготавливали к их трудной сверхчеловеческой роли» [2, с. 228].

Приближённые к царской семье лица утверждали, что это была несчастливая семья и несчастная династия. Виновницей всего этого объявлялась императрица Мария Федоровна, супруга Александра III, которая по свидетельству генеральши А.В. Богданович детей своих «совсем не любит. Она детей никогда не ласкала. Покойный Александр III был гораздо нежнее с детьми, чем мать. Несмотря на свою суровость, бывало, царь обнимет сыновей, но мать никогда. Иногда, совсем неожиданно, царь заходил в спальню детей, но мать, как заведённые часы, заходила аккуратно в один и тот же час, так же, как в одно и то же время дети являлись к ней – поздороваться утром, поблагодарить после завтрака и обеда и проч. Радциг говорит, что он был полным хозяином в спальне последнего, никакого контроля за ним не было» [4, с. 247, 248].

Критики не хотят понимать, что и сам Александр III был в таком же положении, когда после смерти своего старшего брата Николая (12.04.1865 г.) он неожиданно стал наследником престола. Тогда будущий царь пребывал в полной растерянности. Он имел ограниченные способности и весьма посредственное образование, и чувствовал свою неготовность к своим новым обязанностям. Князь В.П. Мещерский в своих воспоминаниях сообщает, что цесаревич жаловался ему: «Ах, Владимир Петрович! Я одно только знаю, что я ничего не знаю, и ничего не понимаю... Прожил я себе до 20-ти спокойным и беззаботным, и вдруг сваливается на плеча такая ноша... Строевая служба, придется командовать, учиться надо, читать надо, людей видеть надо, а где же на всё это время?» [20, с. 1–2]. Александр III тогда справился с поставленной перед ним задачей. Его сын – нет. В этой связи как не вспомнить слова В.О. Ключевского о царской династии и последних Романовых: «отец [*Александр III*] еще умел кой-что строить; сын [*Николай II*] способен только городить» [15, с. 58]. Власть утрачивала к себе доверие, утрачивала легитимность.

Из всего этого клубка противоречий видно, что между представителями самой правящей элиты не было согласия. Противоборствующие группировки обвиняли друг друга во всех смертных грехах. Уже упоминавшийся нами С.Ю. Витте видел причиной многих российских бедствий в некомпетентном правлении премьера П.А. Столыпина, которому он давал крайне негативные характеристики: «В своем беспутном управлении Столыпин не придерживался никаких принципов, он развратил Россию, окончательно развратил русскую администрацию, совершенно уничтожил самостоятельность суда и около себя, в качестве министра юстиции, он держал такого лицемерного и беспринципного человека – как Щегловитова. Столыпин развратил прессу, развратил многие слои общества, наконец, он развратил и уничтожил всякое достоинство Государственной Думы, обратив её в свой департамент» [8, т. 3, с. 494]. И чуть далее добавляет: «Я не сомневаюсь в том, что то, на что я указываю, будет впоследствии указано с большею обстоятельностью, с большим хладнокровием, когда этот смрад произ-

вола, от страха доносов и наказаний, в котором живёт в настоящее время Россия, несколько уничтожится и будет водворена в стране не на словах, а на деле законность, т.е. то, что именуется правовым порядком» [8, т. 3, с. 494].

Витте мог позволить себе весьма нелестно отзываться о членах царской фамилии. Причём в его характеристиках звучит явная неприязнь семейства Романовых. Об одном великом князе (друге детства Николая II) граф даёт весьма уничижительную характеристику: «Великий Князь Александр Михайлович был очень красивый молодой человек; он и до сих пор красивый мужчина, несколько еврейского, хотя и красивого типа. Я должен сказать, – продолжает С.Ю. Витте, – что сталкиваясь с ним в моей государственной деятельности, я убедился, что у него не только внешний тип еврейский, но что он обладает, кроме того, вообще отрицательными сторонами еврейского характера. Я говорю “отрицательными сторонами”, так как я не принадлежу к тем, которые считают евреев не людьми, а нахожу, что и в еврейском характере есть очень много хороших черт, и что, конечно, и среди евреев есть очень много людей вполне достойных» [8, т. 1, с. 389]. При этом самого Витте нельзя назвать антисемитом. Другие его высказывания на эту тему убеждают нас в обратном [8, т. 1, с. 124; т. 2, с. 36].

Витте был не одинок в своей критике верховной власти. В это же самое время конфликт назрел между властями и интеллигенцией. Нигилизм разъял ржавчиной патриотизм русского народа, всегда в целом лояльного к самодержавию. Графом Л.Н. Толстым был обозначен другой духовный разлом, выразившийся в движении толстовства [21]. Скепсис к самодержавию появился даже у самых ярких монархистов. Ни царь уже не мог контролировать свою элиту, ни сама элита уже не могла оказывать влияние на своего начальника земли русской.

О дискредитации царизма свидетельствует и общественное мнение относительно развернувшегося в ходе Первой русской революции террора. Так, например, отношение общества к убийству великого князя Сергея Александровича в 1905 г. показала глубину раскола между властью и народом. Убийство великого князя было встречено почти всеми социальными слоями с одобрением, что оказало большое влияние на внутреннюю политику Российской империи [11].

В своем «Дневнике» от 19 ноября 1916 г. Владимир Митрофанович Пуришкевич писал: «Сегодня я провёл день глубочайших душевных переживаний. За много лет впервые я испытал чувство нравственного удовлетворения и сознания честно и мужественно выполненного долга: я говорил в Государственной думе о современном состоянии России; я обратился к правительству с требованием открыть Государю истину на положение вещей и без ужимок лукавых царедворцев предупредить Монарха о грозящей России опасности со стороны темных сил, коими кишит русский тыл, – сил, готовых использовать и переложить на Царя ответственность за малейшую ошибку, неудачу и промах его правительства в делах внутреннего управления в эти бесконечно тяжёлые годы бранных испытаний, ниспосланных России Всевышним» [22]. Верховная власть вновь представлена слепой и беспомощной, утратившей волю и решимость что-либо делать. Даже чувство нравственного удовлетворения приходит к ней как редкий праздник.

Царя окружали те, кто имел счастливый «дар угадывать и ясно формулировать мысли и желания, полусознательно шевелившиеся в уме императора» [10, с.77]. В одном из своих посланий к князю В.П. Мещерскому Николай II указывал: «С удовольствием вижу, что наше общение не есть случайное. Это прямое последствие воспитания моего дорогого отца и засим наследственная преемственность всего того, что ему было дорого и составляло завет его царствования и всецело перешло ко мне и наполняет всецело мою душу. Появились вы, и сразу оживили и еще усилили этот завет. Я как-то вырос в собственных своих глазах. Это может показаться смешным, но, тем не менее, это так. Вы своим чутьем разглядели мою душу» [29, р. 129–130].

Известно, что различные придворные группировки интриговали друг против друга. Вместо того чтобы плодотворно работать на благо Империи, они занимались мелочными заговорами и конспирацией. Так, например, летом 1903 г. известный князь В.П. Мещерский сколотил заговор против министра Плеве, в котором приняли участие многие недовольные его политикой чиновники [см.: 18, с. 73–75; 25, с. 373]. Министры шпионили друг за другом, подсылали провокаторов и «строчили царю доносы, доносы, доносы...». Без стеснения называли друг друга «мерзавцами», обвиняли противоборствующую сторону в «двуличной игре» и «подкапывании» под национальные интересы [ГАРФ, ф. 586, оп. 1, д. 904, л. 135–144]. «Шайки» чиновников вели тайные войны со всеми, кто угрожал их интересам.

Брожение усилилось с появлением в ближайшем царском окружении Г. Распутина. Придворные пытались оградить царя от дурного влияния Распутина. Но на многочисленные уговоры выслать «старца» из столицы Николай II неизменно отвечал: «Я предпочитаю десять Распутиных одной истерике жены» [17]. Впоследствии в своих мемуарах Ф.Ф. Юсупов признавался: «*После всех моих встреч с Распутиным, всего виденного и слышанного мною, я окончательно убедился, что в нём скрыто всё зло и главная причина всех несчастий России: не будет Распутина, не будет и той сатанинской силы, в руки которой попали Государь и Императрица*». [28]. Убийство Распутина следует рассматривать как попытку дворцового переворота, закончившуюся окончательной дискредитацией и деморализацией царской власти.

Не менее напряжённой, а порой и более драматичной была обстановка и в кругах российских интеллектуалов. Научное сообщество в эти годы позволяло себе высказывать не просто критические замечания относительно отдельных представителей царской власти, но и создавать целые произведения, в которых подвергалось острой критике сама система власти. Если В.С. Соловьев позволял себе критиковать царизм за нарушения некоторых моральных принципов, то уже в «Вехах» (1909) и «Из глубины» (1918) звучала острая политическая критика, разоблачающая системный кризис царизма и саму русскую интеллигенцию, неспособную дать правильный диагноз своему времени. Тема власти и народа была главной во всей развернувшейся вокруг «Вех» полемике. Но лишь единицы заметили, что главной жертвой несовершенной русской действительности оказывалась личность, утратившая свою свободу духа [19].

Критика авторского коллектива «Вех» (М.О. Гершензон, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Б.А. Кистяковский, П.Б. Струве, С.Д. Франк, А.С. Изгоев), составлявший цвет отечественной философской мысли, показал глубину раскола самой интеллектуальной элиты Российской империи. В апреле 1909 г. М. Горький писал своим респондентам (Е.К. Малиновской и Е.П. Пешковой): «Приятно ли читали “Вехи” Струве и К^о? Давно уже не было в нашей литературе книги столь фарисейской, недобросовестной и сознательно невежественной... альманах “Вехи” – мерзейшая книжица за всю историю русской литературы. Чёрт знает что! Кладбище, трупы и органическое разложение. “Месть мертвых, или Русские интеллигенты в первое десятилетие XX века” – вот заголовок романа, который когда-нибудь будет написан на тему о наших днях» [9, т. 11, с. 525]. В романе «Жизнь Клима Самгина» М. Горький вложит в уста некоему Прейсу («шаллоному еврею» и «отличному оратору») «роковую фразу»¹ М.О. Гершензона: «Мы, говорит, должны быть благодарны власти за то, что она штыками охраняет нас от ярости народной» [9, т. 13, с. 86–87]. «Роковая фраза» сыграла поистине роковую роль для репутации «Вех» – для многих критиков сборника весь он чуть ли не сводился к этой одной-единственной мысли [23].

¹ Михаил Осипович Гершензон (1869–1925) выразил в этой фразе свои впечатления от серии кровавых «черносотенных» погромов во время Первой русской революции 1905–1907 гг.: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, – бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной» («Творческое самосознание» // Вехи) [3].

Во втором издании «Вех» М.О. Гершензон сделал такое примечание: «Эта фраза была радостно подхвачена газетной критикой как публичное признание в любви к штыкам и тюрьмам. – Я не люблю штыков и никого не призываю благословлять их; напротив, я вижу в них Немезиду [богиню возмездия – *авт.*]. Смысл моей фразы тот, что всем своим прошлым интеллигенция поставлена в неслыханное, ужасное положение: народ, за который она боролась, ненавидит её, а власть, против которой она боролась, оказывается её защитницей, хочет ли она того или не хочет. “Должны” в моей фразе значит “обречены”: мы собственными руками, сами не сознавая, соткали эту связь между собою и властью – в этом и заключается ужас, и на это я указываю». При включении статьи в сборник «Исторические записки» М.О. Гершензон убрал «роковую» фразу. С рецензией на сборник выступил П.Б. Струве, который обратил внимание на «исчезновение» этой фразы, восстановил её и обрушился с резкой критикой [24, с. 469]. Для интеллектуальных элит вражда была более предпочтительна, чем примирение. В Российской империи накопилось столько противоречий, что тогдашнее поколение интеллектуалов его мирно разрешить не смогло. Властям не удалось опереться на этот (интеллектуальный) ресурс, в результате чего он также оказался на стороне фронды. В итоге проиграли все, кто до февраля 1917 г. относился к политической и интеллектуальной элите России.

Выводы. В последние годы существования самодержавия в России её властные структуры раздирали многочисленные внутриэлитные конфликты. Различные группировки элит враждовали и не могли прийти ни к какому согласию. Образ власти окончательно был дискредитирован в глазах самой элиты и уже не находил у неё никакой поддержки. Накопившиеся в российской элите противоречия не позволили ей сформулировать адекватный ответ на революционный вызов эпохи. Раскол внутри самой интеллектуальной элиты лишь усугубил общий духовный кризис, когда никто никому не нужен и все оказываются (по выражению М. Горького) выдуманными людьми («человек, который сам себя выдумал»). Революция фактически сыграла роль богини возмездия Немезиды, покарвав элиты царской России за то, что они допустили внутри себя раскол и не нашли для себя никакого примиряющего согласия.

Список литературы

1. Ашин, Г. К. Элитология: история, теория, современность / Г. К. Ашин. – Москва : МГИМО (У), 2010. – 600 с.
2. Бенуа, А. Н. Мои воспоминания / А. Н. Бенуа // Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. – Санкт-Петербург : Пушкинский Фонд, 2001. – 400 с.
3. Бердяев, Н. А. Вехи / Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М. О. Гершензон и др. – Москва : Новости, 1990. – 216 с.
4. Богданович, А. В. Три последних самодержца / А. В. Богданович. – Москва : Новости, 1990. – 608 с.
5. Варгумян, А. А. Политическая культура населения Юга России в период Первой мировой войны / А. А. Варгумян, Т. А. Корниенко. Москва : ЦИУМ и НЛ, 2009. – 300 с.
6. Варгумян, А. А. Филантропия в трансформирующемся социальном государстве / А. А. Варгумян, Г. В. Косов. – Москва : ЦИУ и НЛ, 2012. – 212 с.
7. Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний / Великий князь Александр Михайлович. Москва : Современник, 1991. – 166 с.
8. Витте, С. Ю. Воспоминания : в 3 т. / С. Ю. Витте. – Таллин ; Москва : Скиф Алекс, 1994. – Т. 1: 1849–1894. Детство. Царствования Александра II и Александра III / авт. предисл. А. В. Игнатъев. – 528 с. ; Т. 2: 1894–1905. Царствование Николая II. – 576 с. ; Т. 3: 1910–1911. – 608 с.
9. Горький, М. Собрание сочинений : в 16 т. / М. Горький. – Москва : Правда, 1979.
10. Дронов, И. Е. Князь Владимир Петрович Мещерский / И. Е. Дронов // Вопросы истории. – 2001. – № 10. – С. 57–84.
11. Закиров, Р. С. Общественное мнение об убийстве великого князя Сергея Александровича в 1905 г. / Р. С. Закиров // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – № 3. – С. 309–314.

12. Карабущенко, П. Л. «Воспоминания» С.Ю. Витте как исторический источник по изучению русской политической элиты / П. Л. Карабущенко // Современная наука и инновации. – 2015. – № 2. – С. 195–203.
13. Карабущенко, П. Л. Имперские элиты России в «Воспоминаниях» графа С.Ю. Витте / П. Л. Карабущенко // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2015. – № 4 (87), ч. 2. – С. 16–19.
14. Карабущенко, П. Л. Научная элита эпохи заката Российской империи / П. Л. Карабущенко, А. А. Вартумян // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2015. – № 2 (43). – С. 374–382.
15. Ключевский, В. О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники / В. О. Ключевский. – Москва : Мысль, 1993. – 415 с.
16. Князь Феликс Юсупов. Мемуары / Князь Феликс Юсупов. – Москва : Захаров, 2015. – 435 с.
17. Колышко, И. И. Воспоминания. Закат царизма / И. И. Колышко. – ГАРФ, ф. 5881, оп. 1, д. 346, л. 31.
18. Лопухин, А. А. Отрывки из воспоминаний. (По поводу «Воспоминаний» гр. С. Ю. Витте) / А. А. Лопухин. – Москва – Петроград, 1923.
19. Манифесты русского идеализма / сост. и комм. В. В. Сапова. – Москва : Астрель, 2009. – 1072 с.
20. Мещерский, В. П. Мои воспоминания / В. П. Мещерский. – Санкт-Петербург, 1898. – Т. 2.
21. О Льве Толстом и о толстовцах: Очерки, воспоминания, материалы / А. С. Пругавин. – Москва : изд. авт., 1911. – 323 с.
22. Пуришкевич, В. М. Дневник члена Государственной Думы Владимира Митрофановича Пуришкевича / В. М. Пуришкевич. – Рига, 1924. – 146 с.
23. Сапов, В. В. Вокруг «Вех» (полемика 1909–1910 годов) / В. В. Сапов // Вехи: pro et contra. – Санкт-Петербург, 1998. – С. 7–22.
24. Струве, П. Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. Сборник статей за пять лет (1905–1910 гг.) / П. Б. Струве. – Санкт-Петербург : Изд. Д. Е. Жуковского, 1911. – 625 с.
25. Суворин, А. С. Дневник. М., 1992. = Дневник А. С. Суворина / А. С. Суворин ; под ред. М. Кричевского. – Москва, Петроград : Изд. Л.Г. Френкель, 1923. – 407 с.
26. Тютчева Анна. При дворе двух императоров. Дневник (1855–1882) / Анна Тютчева. – Москва : Советская Россия, 1990. – 400 с. ; Москва : Захаров, 2008. – 592 с.
27. Управленческая элита Российской империи (1802–1917) / под ред. акад. А. А. Фурсенко. – Санкт-Петербург : Лики России, 2008. – 696 с.
28. Юсупов, Ф. Ф. Мемуары / Ф. Ф. Юсупов. – Москва : Захаров, 2011. – 430 с.
29. Oxford Slavonic papers, N. S. – Oxford : Clarendon Press, 1962. – Vol. 10.

References

1. Ashin G. K. *Elitologiya: istoriya, teoriya, sovremennost* [Elitology: history, theory, modernity]. Moscow, Moscow State Institute of International Relations (University) Publ., 2010, 600 p.
2. Benua A. N. *Moi vospominaniya* [My memoirs]. *Aleksandr Tretiy. Vospominaniya. Dnevnik. Pisma* [Alexander the Third. Memories. The Diaries. Letters]. St. Petersburg, Pushkin Fund, 2001, 400 p.
3. Berdyaev N. A., Bulgakov S. N., Gershenzon M. O. et al. *Vekhi* [Vekhi]. Moscow, Novosti Publ., 1990, 216 p.
4. Bogdanovich A. V. *Tri poslednikh samoderzhtsa* [The Three Last Autocrats]. Moscow, Novosti Publ., 1990, 608 p.
5. Vartumyan A. A., Kornienko T. A. *Politicheskaya kultura naseleniya Yuga Rossii v period Pervoy mirovoy voyny* [Political culture of the population of the South of Russia during the First World War]. Moscow, TsIUM i NL Publ., 2009, 300 p.
6. Vartumyan A. A., Kosov G. V. *Filantropiya v transformiruyushchemsya sotsialnom gosudarstve* [Philanthropy in a Transforming Social State]. Moscow, TsIU i NL Publ., 2012, 212 p.
7. Velikiy knyaz Aleksandr Mikhaylovich. *Kniga vospominaniy* [The book of memoirs]. Moscow, Sovremennik Publ., 1991, 166 p.
8. Vitte S. Yu. *Vospominaniya: v 3 tomakh* [Memories: in 3 vol.]. Tallin, Moskva, Skif Aleks Publ., 1994.
9. Gorkiy M. *Sobranie sochineniy: v 16 tomakh* [Collected Works: in 16 vol.]. Moscow, Pravda Publ., 1979.

10. Dronov I. Ye. Knyaz Vladimir Petrovich Meshcherskiy [Knyaz Vladimir Petrovich Meshcherskiy]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2001, no. 10, pp. 57–84.
11. Zakirov R. S. Obshchestvennoe mnenie ob ubiystve velikogo knyazya Sergeya Aleksandrovicha v 1905 g. [Public opinion about the murder of Grand Duke Sergei Aleksandrovich in 1905]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill.], 2013, no. 3, pp. 309–314.
12. Karabushchenko P. L. "Vospominaniya" S.Yu. Vitte kak istoricheskiy istochnik po izucheniyu russkoy politicheskoy elity ["Memoirs" S.Yu. Witte as a historical source for the study of the Russian political elite]. *Sovremennaya nauka i innovatsii* [Modern Science and Innovation], 2015, no. 2, pp. 195–203.
13. Karabushchenko P. L. Imperskie elity Rossii v "Vospominaniyakh" grafa S.Yu. Vitte [Imperial elites of Russia in the "Memoirs" of Count S.Yu. Witte]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo* [Bulletin of the Yaroslav-the-Wise Novgorod State University], 2015, no. 4 (87), part 2, pp. 16–19.
14. Karabushchenko P. L., Vartumyan A. A. Nauchnaya elita epokhi zakata Rossiyskoy imperii [Scientific elite of the Russian Empire's sunset era]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian region: Politics, Economy, Culture], 2015, no. 2 (43), pp. 374–382.
15. Klyuchevskiy V. O. *Aforizmy. Istoricheskie portrety i etyudy. Dnevnik* [Aphorisms. Historical portraits and sketches]. Moscow, Mysl Publ., 1993, 415 p.
16. Knyaz Feliks Yusupov. *Memuary* [Memoirs]. Moscow, Zakharov Publ., 2015, 435 p.
17. Kolyshko I. I. Vospominaniya. Zakat tsarizma [Memoirs. Sunset tsarism]. *The State Archives of the Russian Federation*, Fund 5881, Inventory 1, Case 346, Sheet 31.
18. Lopukhin A. A. *Otryvki iz vospominaniy. (Po povodu «Vospominaniy» gr. S. Yu. Vitte)* [Fragments from memories. (Concerning "Memoirs" by Count S. Yu. Witte)]. Moscow – Petrograd, 1923.
19. *Manifesty russkogo idealizma* [Manifestoes of Russian idealism]. Moscow, Astrel Publ., 2009, 1072 p.
20. Meshcherskiy V. P. *Moi vospominaniya* [My memoirs]. St. Petersburg, 1898, vol. 2.
21. Prugavin A. S. *O Lve Tolstom i o tolstovtsakh: Ocherki, vospominaniya, materialy* [About Lev Tolstoy and the Tolstoyans: Essays, memoirs, materials]. Moscow, 1911, 323 p.
22. Purishkevich V. M. *Dnevnik chlena Gosudarstvennoy Dumy Vladimira Mitrofanovicha Purishkevicha* [Diary of a member of the State Duma of Vladimir Mitrofanovich Purishkevich]. Riga, 1924, 146 p.
23. Sapov V. V. *Vokrug "Vekh" (polemik 1909–1910 godov)* [Around the "Vekhi" (controversy of 1909–1910)]. Vekhi: pro et contra. St. Petersburg, 1998, pp. 7–22.
24. Struve P. B. *Patriotica. Politika, kultura, religiya, sotsializm. Sbornik statey za pyat let (1905–1910 gg.)* [Patriotica. Politics, culture, religion, socialism. Collection of articles for five years (1905–1910)]. St. Petersburg, Publ. House D. Ye. Zhukovskiy, 1911, 625 p.
25. Suvorin A. S. *Dnevnik. M., 1992*. [Diary. Moscow, 1992]. Ed. by M. Krichevskiy. Moscow, Petrograd, Publ. House. L.G. Frenkel, 1923, 407 p.
26. Tyutcheva Anna. *Pri dvore dvukh imperatorov. Dnevnik (1855–1882)* [At the court of two emperors. The Diary (1855–1882)]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1990, 400 p.; Moscow, Zakharov Publ. House, 2008, 592 p.
27. *Upravlencheskaya elita Rossiyskoy imperii (1802–1917)* [The management elite of the Russian Empire (1802–1917)]. Ed. by A. A. Fursenko. St. Petersburg, Liki Rossii Publ., 2008, 696 p.
28. Yusupov F. F. *Memuary* [Memoirs]. Moscow, Zakharov Publ. House, 2011, 430 p.
29. *Oxford Slavonic papers, N. S.* Oxford, Clarendon Press, 1962, vol. 10.